

Чэнь Минхуэй наконец вспомнил. В своей прошлой жизни он в это время активно ухаживал за Хао Ин, стараясь угостить её чем-нибудь вкусным, что бы ни достал. Вероятно, в этом контейнере для еды было что-то, что он с трудом раздобыл. Однако время стёрло воспоминания, и он уже не мог вспомнить, что именно там лежало. Но это не имело значения — отныне это больше не принадлежало Хао Ин.

Чэнь Минхуэй, не оборачиваясь, потянул Цянь Юя за собой, а Хао Ин с недоумением крикнула ему вслед:

— Чэнь Минхуэй, ты просто уходишь? Разве ты не собираешься умолять меня принять это?

— Что, ты хочешь, чтобы я ещё что-то сказал? — Чэнь Минхуэй, не отпуская руку с плеча Цянь Юя, саркастически усмехнулся. — Если ты настаиваешь, то спасибо за то, что отказалась. Будь спокойна, больше я тебе ничего не принесу, потому что ты этого не заслуживаешь!

— Ты...

Хао Ин никак не могла понять, как всё могло так измениться.

Чэнь Минхуэй всегда был как верный пёс, следовавший за ней, терпевший её упрёки и оскорбления. Как за один урок всё могло измениться?

— Двоюродный брат, что ты делаешь? Верни еду Инъин, разве ты действительно можешь её забрать?

Внезапно появившийся парень без раздумий попытался вырвать контейнер из рук Чэнь Минхуэя.

Зрачки Чэнь Минхуэя сузились, и он резко ударил ногой в грудь нападавшего, сбив его с ног. Тот, поднявшись, начал кашлять.

— Ах...

Хао Ин вскрикнула:

— Чэнь Минхуэй, что ты делаешь? Ты с ума сошёл, это же твой двоюродный брат!

Она поспешила помочь Ван Шинаню.

— Двоюродный брат? Скорее уж сволочь. — Только что вернувшись, он сразу столкнулся с двумя врагами. — Хао Ин, ты и Ван Шинань — сука с псом, вечная пара. Сегодня я ясно даю вам понять: держитесь от меня подальше. Если ещё раз появитесь передо мной, я возьму нож и прикончу вас обоих!

Чэнь Минхуэй, с его угрожающим видом, напугал Хао Ин и Ван Шинаня, которые, будучи школьниками, не осмеливались больше ни на что.

На обратном пути атмосфера была напряжённой. Столкнувшись с двумя своими заклятыми врагами из прошлой жизни, Чэнь Минхуэй с трудом сдерживал себя, чтобы не покончить с ними раз и навсегда.

Когда он пришёл в себя, то уже стоял у дома Цянь Юя.

— Я на месте.

Цянь Юй потёр ногами, опустив голову, его худощавое тело сгорбилось, словно у старика.

Вид такого измождённого Цянь Юя заставил сердце Чэнь Минхуэя сжаться. Хао Ин и Ван Шинань тут же были забыты.

Чэнь Минхуэй открыл алюминиевый контейнер, чтобы посмотреть, что там внутри. Он помнил, что всегда приносил Хао Ин что-то хорошее.

Внутри оказалась целая коробка свинины «Дунпо». Чэнь Минхуэй быстро сунул её Цянь Юю.

— Хоть она и остыла, но если разогреть, вкус не сильно изменится.

Цянь Юй не ожидал, что Чэнь Минхуэй отдаст ему столько мяса. Он думал, что даже если Хао Ин откажется, Чэнь Минхуэй съест его сам. Никогда не осмеливаясь даже думать о таком подарке, он с удивлением оттолкнул контейнер.

— Я не возьму. Ты сам живёшь небогато, раздобыть столько мяса непросто. Ты, наверное, тоже хочешь его съесть. Забери его себе, не отдавай другим.

В душе Цянь Юя оставался неприятный осадок. Чэнь Минхуэй действительно хорошо относился к Хао Ин, отдавая ей то, что сам не мог себе позволить. Вспомнив, что Чэнь Минхуэй всегда любил Хао Ин, он понял, что это было естественно. Если бы у него самого появилось что-то хорошее, первым, о ком он подумал бы, был бы Чэнь Минхуэй. Сейчас же, находясь рядом с ним и не вызвав отвращения своим признанием, он уже считал это огромной удачей. О чём ещё можно было мечтать?

Едва Цянь Юй подавил горечь в душе, из двора раздался резкий голос его матери.

— Цянь Юй, почему ты так поздно вернулся? Быстро заходи в дом, тут куча работы, а ты только и знаешь, что болтаться!

Закончив ругаться, она не обратила внимания на Чэнь Минхуэя и ушла в дом.

Цянь Юй, словно испуганный кролик, бросился к двери, но Чэнь Минхуэй схватил его за ремень рюкзака и остановил. Он преградил путь Цянь Юю, глядя на него сверху вниз. Его красивое лицо и бунтарская аура были именно тем, что привлекало девушек в его возрасте.

Нежный взгляд Чэнь Минхуэя заставил сердце Цянь Юя биться чаще, словно в груди прыгал кролик.

— Сяо Юй, раз уж ты вручил мне любовное письмо на людях, поставив меня в неловкое положение, разве ты не должен меня компенсировать? — с хитрой улыбкой спросил Чэнь Минхуэй.

Увидев, как кровь отливает от лица Цянь Юя, оставляя его бледным, как снег, Чэнь Минхуэй почувствовал, как его сердце сжалось. Насколько же сильны были чувства Цянь Юя, если даже шутка воспринималась им всерьёз.

Сжалившись, Чэнь Минхуэй обнял испуганного Цянь Юя так крепко, что тому стало больно.

— Сяо Юй, я наказываю тебя стать моей женой, хорошо?

Нежность Чэнь Минхуэя хлынула, как бурная река, и он готов был утопить Цянь Юя в этой лавине чувств.

Лицо Цянь Юя постепенно порозовело, а затем покраснело. Он был настолько смущён, что не мог вымолвить ни слова. Но Чэнь Минхуэй держал его за руку, заставляя смотреть в свои глубокие глаза, словно угрожая, что не отпустит, пока не получит ответ.

Наконец, под давлением, Цянь Юй, как будто давая клятву в церкви, кивнул, едва слышно прошептав:

— Да...

Чэнь Минхуэй рассмеялся, переполненный счастьем.

— Цянь Юй! — Резкий голос Ли Цуй снова раздался из дома. — Хватит шляться! Быстро возвращайся! Еду не приготовил, одежду не постирал, в доме не убрал, целыми днями только и знаешь, что прятаться!

Испугавшись, что Ли Цуй увидит их, Чэнь Минхуэй отпустил Цянь Юя и насильно сунул алюминиевый контейнер в его рюкзак, прежде чем позволить ему уйти.

Когда дверь закрылась, Чэнь Минхуэй услышал, как Ли Цуй зовёт Цянь Юя готовить ужин, но не придал этому значения. В конце концов, деревенские дети рано взрослеют, и в пятнадцать лет готовить — это обычное дело.

Вскоре у окна появился юноша, который, казалось, не ожидал, что Чэнь Минхуэй всё ещё ждёт. Он радостно махал ему рукой.

Чэнь Минхуэй стоял у окна дома Цянь Юя, наблюдая, как того уводят. До сих пор он не мог полностью избавиться от чувства нереальности, будто всё это был сон, который вот-вот исчезнет.

Он не решался уходить, найдя укромное место, откуда мог наблюдать за окном спальни Цянь Юя, словно только так мог убедиться, что это не сон.

В доме Ванов Ван Шинань лежал на кровати, стена. Чжан Цзюй, его мать, вытирала слёзы.

— Этот Чэнь Минхуэй совсем не знает, что такое родственные чувства. Из-за одного слова он так ударил нашего малыша, что у него на груди синяк.

Ван Шинань ругался:

— Он маленький ублюдок, без матери и отца, что он знает о родственных чувствах? Ты ещё кормишь его остатками с нашего стола. Я тебе говорю, отныне ни крошки ему!

Чжан Цзюй поспешила намазать ему лекарство, утешая:

— Знаю, знаю, больше ни крошки этому ублюдку.

Хао Ин, вернувшись домой, увидела, что её родители и брат сидят за столом, ожидая её. Это было беспрецедентно, ведь обычно они ели первыми, и ей доставались лишь объедки. Из-за бедности семьи они обычно ели кашу из сорго с бататом, но сегодня на столе был белый рис.